

То была ночь с первого на второе марта и две тысячи десятый год. До церемонии поступления оставался один день. Минуло уже двое суток с тех пор, как мы поссорились с Ю Чхон Ёном, но от него не поступило ни одного сообщения. Ни одного телефонного звонка.

Второе марта — тот день изменилось все.

Дождь, еще с утра стучащий в окно, не прекращался до вечера и продолжал барабанить ночью. Я слушала этот звук, прижимая к груди подушку и уставившись в темный потолок. На стене тихонько тикали антикварные часы.

Время приближалось к полуночи, но я все еще не спала, даже несмотря на то, что прошло уже два часа с того момента, как легла в кровать. Едва ли я могла сегодня заснуть — всегда, когда приближалось второе марта, меня начинала мучить бессонница. Терзали мысли о том, что мир может внезапно поменяться.

Я легла вначале на один бок, потом перевернулась на другой и, наконец, устроившись удобнее, провалилась в легкий сон. Звук барабанившего по окну дождя стал доноситься до меня словно через толстый слой ваты.

Через несколько минут дремоту как рукой сняло. Из гостиной до меня донесся какой-то звук, а потому я выглянула из своей комнаты. Холодильник оказался открыт, возможно, мой сонный отец искал воды. Когда мои глаза остановились на его фигуре, то я ужаснулась.

Я вскочила с кровати и распахнула окно. Я так торопилась, что чуть не стукнулась, вставая с постели. К счастью, я успела ухватиться за оконную раму, спасаясь от падения головой вперед.

Я широко раскрыла окно. Небо надо мной, как бы в насмешку, было невероятно чистым и темным. На нем нельзя было различить ни одного облачка. Угольно-черное небо, казалось, издевалось надо мной. Смотря на него, создавалось ощущение, что никакого дождя и в помине не было.

Я бездумно уставилась на луну, вытянув руки за окно. Моя ладонь коснулась сухой оштукатуренной кладки, белой выемки в стене. Ничего мокрого не оказалось.

Я, ничего не говоря, повернула голову и посмотрела на часы над кроватью. У них была аккуратная круглая розовая рамка. Это были вовсе не те причудливые часы, которые мне подарил У Джуин.

Я глядела на них и все, что получилось у меня выдать — лишь пустую улыбку. Это не имело никакого смысла. Как... как подобное могло случиться?

Я закрыла окно и поплелась обратно к кровати. На самом деле я понятия не имела, как мне вернуться в свою постель. Мой взгляд вперился в потолок, пока я с усилием зажмурилась. Я

все еще не слышала дождя... «Мне стоит поспать» — пробурчала я, — «обдумаю это, когда проснусь».

На ручке шкафа, как и три года назад, висела школьная форма. Это была униформа той старшей школы, в которую мне предстояло поступить. Однако, белый пиджак и юбка сменили расцветку на темно-синюю. Форма, которую я носила последние три года, немного походила на эту.

«Божечки» — из-за происходящей вокруг чертовщины я поймала на устах своих загадочную ухмылку. — «Мне нужно поспать».

Было уже почти семь, когда я открыла глаза. Едва проснувшись, я посмотрела на стену и со вздохом потянулась, когда часы вернули свой изначальный архаичный облик.

Я некоторое время сидела, спрятав лицо в ладонях, а затем повернула голову и поняла, что в мое окно стучался дождь.

Школьная форма, висевшая на ручках шкафа, все еще выглядела так, будто отражала свет; и у меня все еще не было никакого желания ее надевать. Я внимательно осмотрелась и глубоко вздохнула. Затем скривилась и приподняла уголки губ.

Неужели все, что я видела раньше — всего лишь дурной сон? Все те странности и все те муки, через которые я прошла? Я опустила взгляд на ладонь, выискивая на ней остатки штукатурки, но так ничего и не обнаружила. Хотя даже если бы что-то и осталось — кусочки были слишком малы, чтобы их разглядеть.

Я немного посидела на кровати, а после встала, нащупывая на стене выключатель. Потом взяла телефон, который покоился рядом. Хотела уже вернуться в постель, как девайс выскользнул из моих рук. Тогда я поняла, что руки мои тряслись, и поднесла их к лицу в попытке успокоиться. Господи, я схватила ладонью одной руки запястье другой, пытаюсь унять дрожь, однако и это не помогло.

Звук бьющегося в окно дождя все еще стоял у меня в ушах — этот факт немного успокоил бешено стучащее сердце. Я глубоко вздохнула и выдохнула, после подняла упавший телефон и вернулась на кровать.

Там я стала просматривать контакты, входящие сообщения: Ын Джихо, Бан Ё Рюн, У Джуин... я пролистала список вниз.

— Хорошо, — выдохнула я, — они все на месте...

Тем не менее, легче мне не стало. Я выискивала в книге контактов человека, который мог бы убедить меня, что я все еще на своем месте. Я ведь действительно могла позвонить кому-то,

услышать чей-нибудь голос — в тот момент это казалось единственным верным способом усыпить мои страхи.

Я пробежалась глазами по именам. Ю Чхон Ён? Нет, сейчас точно нет. Ын Джихо? Сейчас он, скорее всего, завтракал со своей семьей. Бан Ё Рюн и У Джуин в такое время обычно все еще видели десятый сон. Я запнулась об имя Гвон Ын Хёна.

Возможно, он, подав завтрак отцу, сейчас отдыхал? Я нажала на кнопку вызова. Гудок шел дольше, чем обычно, а после я услышала голос.

Голос теплый, ласковый и такой надежный, что любой человек тут же доверился бы его обладателю. Он в тот же момент заставил меня почувствовать облегчение.

— Что-то случилось? — Гвон Ын Хён, видно, недоумевал, почему я звоню ему так рано утром. Тем более он знал, что в выходные я особенно ленива.

От его голоса у меня сперло дыхание — Гвон Ын Хён даже успел спросить в замешательстве:

— Дан И, ты чего? Что происходит?

— Ничего... — я закусила губу, прерываясь.

Звуки на заднем плане стихли, и из трубки послышалось осторожное:

— Ты плачешь?

— ...Я.

Я кашлянула, сдержав поток слез. Я была готова разреветься. И не потому, что мне было грустно, а потому, что ощутила легкость, стоило ему взять трубку.

Мои плечи сильно вздрогнули, когда я попыталась набрать в грудь побольше воздуха. Я старалась вспомнить, что хотела сказать, а Ын Хён все это время не издавал ни звука.

— Ын Хён.

— Ага.

— Ты... сейчас занят?

— Нет, — его спокойный голос заставил меня снова почувствовать облегчение.

Я глубоко вздохнула и продолжила:

— Тогда, если ты не занят, не мог бы... рассказать что-нибудь?

— Рассказать о чем?

— Не важно, правда, не важно.

То был звонок в семь утра, а потому моя просьба могла показаться абсурдной, но Гвон Ын Хён ничего не ответил.

Я услышала, как он повернул кран, и в трубку пробрался журчащий звук текущей воды. Я начала слушать умиротворенный голос Ын Хёна, слыша, как на заднем плане позвякивает посуда.

— В тот день лило как из ведра. Мне было пять, и я помню, как отец поднял меня на руки, чтобы показать вид за окном. Снаружи клубился серый туман, но в нем очень ясно можно было различить очертания одной машины. Тогда я и знать не знал, какая у нее марка, но сейчас, когда я думаю об этом... это был красный «Порше». Он сверкал глянцем и роскошью. Человеком за рулем являлась женщина, донельзя элегантная, та машина поразительно подходила ей. У женщины были отливающие синевой черные волосы и пронзительные голубые глаза.

Гвон Ын Хён остановился. Когда его голос затих, в трубке осталось лишь позвякивание посуды. Я села, прислонившись спиной к стене, внимательно слушая его рассказ. Стоило ему начать описывать женщину с водительского сидения, как мои глаза широко распахнулись. Отливающие синевой черные волосы и голубые глаза — разумеется, я знала того, кому принадлежали описываемые черты.

Я выпрямилась, чувствуя растущее напряжение. На мгновение все затихло. Только слышно было, как упало несколько капель воды, а после из трубки полился умиротворенный голос.

— Я смотрел на мою маму, расположившуюся рядом с водительским сидением, хотя это и было трудно из-за льющего дождя и той женщины... но я знал... она улыбалась в тот момент. Я тогда был еще маленьким, но сейчас, как и ту секунду, уверен — она была счастлива.

Я молчала.

— Моя мама и та женщина подружились во время обучения в Штатах. Они обе учились за границей, а после женились, разойдясь разными дорогами; но у них оставалось традицией хотя бы один день в неделю проводить вместе. Та дама вышла замуж за очень богатого человека,

поэтому, когда я пришел к ней домой, меня поразил их сад: он казался огромным и непроходимым. Там же я встретил мальчика, моего одногодку, крайне схожего со своей матерью.

У меня отвисла челюсть от услышанного. Я прекрасно понимала, кем были герои этой истории, но старалась не лезть особо глубоко. Голос Гвон Ын Хёна все еще был мягок, он действовал усыпляюще. Я не смогла вымолвить ни слова в ответ, он продолжил:

— Мои родители поженились очень поспешно. Я узнал, что они зачали меня ещё до свадьбы, а потому медовый месяц мы провели втроем: отец, мама и я, находящийся у нее в животе.

Раздался смешок.

— Когда моя мама уехала, отец готовился стать адвокатом и в то же время заботился обо мне и моей сестре. Ей тогда было всего два, я старше на три года. Отец сказал, что мама смотрит на нас, а потому я должен помахать ей рукой. Я почти не видел ее фигуру, но все равно сделал то, что он мне сказал. Пока я махал и смотрел, как красная машина исчезает в тумане, в мою голову пришли странные мысли. Мне казалось, что в тумане прячется какой-то монстр или что-то вроде того.

Я молчала.

— А потом произошло это.

Его тон был спокоен, как и всегда, но у меня перехватило дыхание. Я широко раскрыла глаза и подтянула к себе ноги. Затем я осознала, о чем он говорил столь невозмутимо. Гвон Ын Хёну было пять, когда его мать ушла из жизни. Он рассказывал мне, как это случилось.

Несмотря на то, что он повествовал о той аварии, его голос и интонация не поменялись. Ын Хён говорил как можно более безмятежно, как будто в этом состоял его долг в данный момент.

— Из-за дождя самосвал занесло. Позже, когда я осмотрел машину, то увидел, что водительское сидение не было повреждено. Однако пассажирское, на котором сидела моя мама, было в ужасном состоянии; от него почти ничего не осталось.

Я промолчала.

— И поэтому я ненавижу... дождливые дни.

Когда он закончил, между нами воцарилось молчание. Я не произнесла ни слова, лишь поджала ноги, прислушиваясь к дребезгу и шагам из телефонной трубки. Я спрятала голову в коленях, чувствуя себя донельзя расстроенной. Пока я была подавленной, Гвон Ын Хён осторожно спросил:

— А почему... почему ты ненавидишь второе марта?

Я прикусила губу, услышав его вопрос, который еще несколько мгновений стучал у меня в ушах набатом. Гвон Ын Хён тоже заметил, что чем ближе было второе марта, тем чувствительней я становилась. Мы провели вместе три года, было бы странно, если бы он не узнал.

Какое-то время я сидела в тишине, кусая губы, с вымученной улыбкой на устах, а потом пробормотала себе под нос: «К черту все».

— Я не то, чтобы ненавижу второе марта.

Гвон Ын Хён не ответил.

— Это бывает не только во второе марта, просто... Мне снится сон о том, как я просыпаюсь, обычно поутру, и на ручке моего шкафа висит незнакомая мне школьная форма... Часы, подаренные У Джуином тоже меняются. Мои родители и другие вещи в доме — все остается прежним... Я съедаю свой завтрак и выхожу из дома вместе со школьной сумкой...

Я глубоко вздохнула. Тем не менее, от дрожи, пробивающей меня до костей, избавиться так и не получилось. Я крепко зажмурилась, чтобы выдать из себя следующие слова:

— Там я не встречаю Бан Ё Рюн.

Гвон Ын Хён молчал.

— Не только ее, но я не пересекаюсь и с вами, ребята... Тогда я понимаю, что вас на самом деле не существует.

Я обхватила телефон обеими руками, судорожно дрожа.

— Однажды я уже переживала это.

По ту сторону трубки до меня не доносилось ни звука: там ни дребезжали посудой, ни шумела вода. Между нами царил полная тишина. Второе марта. Какое паршивое начало столь паршивого дня.

В мое окно по-прежнему колотил дождь.

***

Год назад на второе марта две тысячи девятого года выпала пятница. В тот день я перешла в третий класс средней школы; другими словами, тогда и прошла церемония открытия.

В тот день я с трудом продрала глаза и поборола сонливость. Однако стоило мне узнать, что уже девять утра — я начала в спешке носиться по дому. Немногим позже я узнала от Бан Ё Рюн, что церемония открытия состоится в десять тридцать. А потому как пуля высочила из дома.

Было уже десять, но на улице к ногам все еще ластился раннеутренний туман: сквозь него едва вырисовывались очертания окруживших меня зданий. Походящие на руки скелетов ветки колыхались на ветру, будто приветствуя. По молчаливой улице шли только Бан Ё Рюн и я.

Подобно каждому году до этого, второе марта начиналось с мрачной ноты, однако на поступях к школе я заметила, что настроение мое постепенно поднималось. Когда мы встретились с Гвон Ын Хёном и Ю Чхон Ёном, которым не повезло попасть в разные классы на втором году обучения, я поприветствовала их яркой улыбкой.

Бан Ё Рюн наморщила свой покрасневший носик и заметила, что в этом выпускном году мы просто обязаны попасть в один класс. За этим разговором мы и устремились нашей честной компанией прямо в актовый зал.

В холле было прохладно, словно кто-то решил не включать обогреватель. Мы с Бан Ё Рюн довольно быстро нашли класс, над которым висела табличка «Класс 2-5», наверное потому, что причудливые серебристые локоны Ын Джихо — нашего президента — были видны издали.

Ын Джихо, увидев нас, равнодушно кивнул, поправив пурпурный шарф на шее. У Джуин, устроившийся рядом с ним, был полностью поглощен игрой, но сумел оторваться и скользнуть по нам своим обыкновенным доброжелательным взглядом.

Первое, что он сделал, только мы вошли в класс — бросился ко мне на шею. Я крепко обняла его в ответ, очаровательно ухмыльнувшись, и Ын Джихо, окинув нас рассеянным взглядом, открыл рот, чтобы что-то сказать.

Мы пришли заранее, и до церемонии оставалось еще двадцать минут, а потому в зале было малоллюдно. Именно поэтому Ын Джихо мог не сдерживать свое саркастичное замечание.

— Эй, Джуин, умерь пыл. У Хам Дан И суставы не те, что прежде: чуть что — хрустеть начинают.

«О господи, неужели у него нет такой проблемы?» — хотела я ответить.

— Ох, они закаменеют, если я слишком долго буду сидеть.

— Чел, это уже серьезно, пора вызывать девять-один-один. Может все твои кости просто сломаны? Ты не думаешь, что стала в последнее время как никогда неуклюжей? Тебе лучше сходить на обследование.

— Черт возьми, нет!

Пока мы перекидывались шпильками, Ю Чхон Ён откинул голову на спинку стула, который стоял перед ним, и дремал. Окна были занавешены, и зал тонул в полумраке.

Ын Хён только махнул свободной рукой, когда я перевела на него взгляд. В другой он держал листы, на которых, кажется, была написана приветственная речь.

Поскольку людей в помещении было не особо много, он не стал вставать со своего места. Только прокричал громкое:

— Эй, Ын Джихо!

— Чего тебе?!

— Хватит дразнить Дан И, лучше повтори свою речь.

Видимо Ын Джихо тоже будет предоставлено слово. Вместо того, чтобы последовать беззлобному совету Ын Хёна, он ухмыльнулся и продолжил гнуть свою линию.

— Я помню ее наизусть! Тебе тоже стоило бы выучить ее дома!

Ын Хён, расположившийся в тени, поднял на него глаза. На его красивом лице расцвела ласковая улыбка.

«Отлично», — я кивнула сама себе. Несмотря на великодушие, подобное безмятежным океанским водам, Ын Хён не мог пропустить мимо ушей высказывание Ын Джихо.

Ын Джихо сразу уловил намерения Гвон Ын Хёна. А потому бросился к нему первым, чтобы похулигански взъерошить волосы. Их дурачества потревожили сон Ю Чхон Ёна, но он, произнеся что-то вроде: «просто дайте мне поспать» угрожающим тоном, опять вернулся страну грез.

Пока мы с Бан Ё Рюн наблюдали за игрой У Джуина, зал начал наполняться другими детьми. Потому как мы провели уже два года плечом к плечу, все, казалось, приветствовали друг друга как старых знакомых. Я повертела голову из стороны в сторону и поняла, что все места в зале были уже заняты; посмотрела туда, где должны были находиться Ын Джихо и Гвон Ын Хён — и обнаружила, что они пропали.

Ю Чхон Ён опустил голову еще ниже, будто только глубже погружаясь в сон, руки его были сложены на груди. Возможно мальчишке, который сидел рядом с ним, его поза показалась неустойчивой, потому что он подставил Ю Чхон Ёну плечо.

Он, вероятно, слишком глубоко дремал, потому что сразу оперся о чужое теплое плечо. Мы с Бан Ё Рюн обернулись и захихикали, наблюдая эту сцену.

Из-за того факта, что мы стали выпускниками средней школы, ничего особо не поменялось — однако некоторые дети решили учиться еще усердней, чтобы оправдать свое нахождение в самом престижном учебном заведении округа.

Директор школы, ее председатель и чиновник произнесли свои приветственные речи один за другим. Когда слово взяли Гвон Ын Хён и Ын Джихо, я и Бан Ё Рюн сразу же отключились, сблизив друг к другу головы.

Наконец, под завершение церемонии было объявлено проверить списки классов, которые были развешаны по всем стеклянным дверям, выходящим в зал. Еще немного сонные мы с Бан Ё Рюн встали с места и поплелись к выходу.

Толпа учащихся мешала мне найти свое имя. Когда я подняла руку, потянувшись к спискам второго и третьего классов, на мою макушку опустилась чья-то ладонь, пару раз постучав.

«Кто бы это мог быть?» — я оглянулась по сторонам, гадая, кому же хватило наглости положить на мою голову свою руку, но в толпе это было проблематично. Я в замешательстве переводила глаза с одного человека на другого, пока кто-то не потянул меня за запястье. Этим кем-то оказался Джуин.

Он ярко улыбался, его золотистые глаза лучились. Я мрачно уточнила:

— Ммм... Мы в одном классе?

— Агась!

— Воу! — я ликующе обняла его, неожиданно для себя отметив, что он вырос. Раньше его рост был равен моему, но сейчас Джуин казался куда выше ста семидесяти сантиметров.

Я, конечно, часто встречалась с ним за время каникул, но никогда не задумывалась о том, что он стал выше. Когда я в удивлении вскинула на него голову, еще чья-то рука коснулась моего левого плеча.

Когда я обернулась, то увидела что Бан Ё Рюн и остальные из «Четырмя Небесными Королями» сбились в кучку. Я не стала тратить время на бессмысленный вопрос: «а не в одном ли мы классе?». В конце концов, шестой закон веб-новелл гласил, что главные герои всегда в

одном классе со своими лучшими друзьями.

Вместо этого я обратила взгляд к Ын Джихо, который выглядел донельзя довольным. Я в ответ лишь нахмурила брови — он, увидев это, отзеркалил мой жест.

— Чел, что с твоим лицом?

— Божечки, мистер Ын Джихо. Вам следует лучше следить за тем, что и как Вы говорите. Вокруг так много людей, которые не уведомлены о Вашей темной стороне. Было бы легкомысленно так неосторожно разрушить привычный образ, не считаете? — окончание моей речи увенчала усмешка.

Мальчишка, казалось, готов был тут же взорваться от злости, и церемония открытия вовсе не служила сдерживающим фактором. Он скривил губы в улыбке, а потом сквозь стиснутые зубы задал вполне доходчивый вопрос:

— Что. Такое. С. Твоим. Лицом?

— О, Ын Джихо, уйди с дороги. Дан И, у меня плохие новости, — Бан Ё Рюн оттолкнула его плечом, пресекая на корню попытки добиться от меня ответа, и ступила ко мне.

Лицо девушки было столь угрюмо, будто в этот самый момент она находилась на сцене мыльной оперы, поэтому я сразу же поняла, что вся ее серьезность — напускная. А потому я ни капельки не забеспокоилась и решила ей подыграть, примеряя на лицо озабоченное выражение.

— Что случилось? — спросила я.

— Ын Джихо... он... аргх, Ын Джихо снова попал в один класс с нами.

Я ступила навстречу к Бан Ё Рюн, схватив ее руки, и закричала как можно громче:

— Божечки, как это печально!

— Мы такие невезучие.

— Что за чертовщина, — пробормотал Ын Джихо раздраженно.

Завидев эту сцену, Ын Хён и Ю Чхон Ён вклинились между нашими с Бан Ё Рюн сцепленными руками. Я повернула голову, чтобы посмотреть на них, как чуть не ослепла — насколько сияющими были их профили. «Ох, ну нет, опять...».

В тот момент, когда слова уже были готовы сорваться с моего языка, кто-то радостно заверещал:

— Вау, да вы гоните! Все «Четыре Небесных Короля» попали в один класс!

Не только меня прервал этот возглас — Ын Хён тоже хотел что-то произнести, но осекся. Он смущенно закатил глаза, но улыбнулся, когда наши взгляды встретились.

— Вот... как-то так.

Я застыла на месте, не произнося ни слова. Потом, придя в себя, повертела головой из стороны в сторону. Солнце, уже поднявшееся на вершину небосвода, бросало косые лучи сквозь большие окна актового зала. Деревянные коричневые полы только отражали солнечный свет. Сама природа будто подчеркивала ослепительность стоящих рядом со мной мальчишек и девочки, освещая их подобно прожектору.

Я исподлобья взглянула на них: на алые локоны Гвон Ын Хёна, отливающую синевой шевелюру Ю Чхон Ёна, карамелеволосого У Джуина и сверкающую серебром макушку Ын Джихо, отражающих свечение подобно рыбной чешуе. Едва я отвела от них взгляд — то на глаза попала богиня, потерявшая свои крылья. Я молчала.

Через мгновение я зааплодировала.

Хлоп-хлоп-хлоп.

Звук стал отталкиваться от стен, резонируя в притихшем актовом зале.

— Почему ты хлопаешь? — просил в удивлении У Джуин.

Может быть, автору показалось недостаточным поместить в один класс двух лучших учеников потока, и он решил сделать одноклассниками сразу всех «Четверых Небесных Королей». Поэтому мои аплодисменты были своеобразным выражением уважения к нему и его задумке.

Так я пояснила себе свои действия, изумленно улыбнувшись.

В классе, в который мы перешли на этот семестр, царил уникальная атмосфера, которая заставляла наши сердца сжиматься от восторга: там нас встретил покрытый новым слоем воска деревянный пол, не исписанные вандалами шкафы и парты.

Когда я заняла парту на первом ряду у окна и повесила сумку, то подняла голову, чтобы оглядеться. Все были очень воодушевлены, кажется, не только мое сердце затрепетало, стоило увидеть нашу классную комнату. Мой взгляд медленно переместился на календарь, висевший

на стене. На нем было выведено: «второе марта». Как это ни странно, но в тот момент эта дата нисколько не ранила меня.

Небо, которое было видно через большое окно, лучилось синевой. Я подперла подбородок ладонью, делая вид, что рассматриваю школьный двор, стараясь разобраться в себе. В тот момент второе марта вовсе не представлялось ужаснейшим днем.

Прошлой ночью ничего не случилось. Если быть более конкретной, то прошло уже семьсот тридцать ночей со «дня, когда все началось», но ничего так и не поменялось.

Не было никаких признаков того, что мир собирается опять перемениться, а мой первоначальный план «сторониться Бан Ё Рюн» давно пошел коту под хвост. Дальше больше — я была близкой подругой также и «Четверых Небесных Королей».

Все мои переживания двухгодичной давности воплотились в жизнь, но сейчас я и не возражала против этого. Просто решила плыть по течению.

Я снова повернулась, обводя глазами кабинет.

Голос нашего нового молодого классрука разнесся по сморенному классу. Он вовсе не был слишком визглив или гнусав, но для меня, привыкшей к бархатистым тембрам «Четверых Небесных Королей», он звучал непривычно.

Я уставилась на идеально прямую спину Ын Джихо, который, как прилежный ученик, внимательно слушал учителя. Потом встретилась глазами с Джуином, занявшим место в боковом ряду. У Джуин хихикнул, как маленький дьяволенок, и подмигнул мне. Я задумалась о том, стоит ли мне подмигнуть ему в ответ, но потом прикинула, сколь театрально выглядел бы этот жест. Поэтому я отказалась от него и отвернулась.

Ю Чхон Ён пустым взглядом смотрел на школьный двор, но невозмутимость сошла с его фигуры, стоило нашим взглядам встретиться. Он улыбнулся, да так, что мне пришлось тут же отвернуться, чтобы успокоить бешено заколотившееся сердце. До моих ушей донесся короткий смешок. Источник сидел позади меня, им оказался Ын Хён.

— Омг, эти оболтусы. Как могут смеяться и болтать, пока говорит учитель, — Бан Ё Рюн свела свои аккуратные бровки к переносице и специально зашептала как можно громче.

Когда Ю Чхон Ён одарил ее короткой усмешкой, она в ответ послала ему улыбку. Ын Хён, чьи уголки губ тоже были приподняты, очень хорошо вписывался в этот хулиганистый отряд.

«Ну что ж, раз уж мы сошлись характерами, то нет смысла отказываться друг от друга. Разве в этом есть что-то плохое?» — подумала я.

Факт того, что последние два года я провела в мире и покое, изменил кое-что во мне. Сейчас, глядя на календарь с надписью «сегодня все началось», я лишь испытывала приступ веселья. Может быть, я слишком тогда драматизировала. В конце концов, единственное отличие той реальности от этой в том, что у меня появилась хорошенькая подруга, которую я до этого никогда не встречала.

Кроме того, мне было довольно легко узнать Бан Ё Рюн, потому что мы проводили огромное количество времени вместе. Неудивительно, что мы дружили. Для меня не стало проблемой преодолеть наш разрыв в тринадцать лет, и теперь мы были крепко связаны.

Мы были друзьями меньше двух лет, но в мою голову то и дело закрадывались мысли о том, что я действительно страдала амнезией. Может быть, это даже была не новелла.

Мысль о том, что этот мир не являлся новеллой, приводила меня в неопиcуемый восторг.

На моем лице расцвела улыбка, и я посмотрела в окно.

Они, подобно мне, не были персонажами романа. Все мои действия — результат только моего выбора. Мной не управляла невидимая рука кукловода. Не только мной, но и ими тоже: они сами решили сдружиться со мной, а не по мановению чей-то ладони... Никто из нас не следовал чужим указаниям.

Про второе марта две тысячи девятого года, про день, когда я слушала хихиканье одноклассников и нежилась в ленивых солнечных лучах, я тогда могла сказать только то, что это был один из счастливейших дней в моей жизни. С тех пор прошел уже год, но ничего уже не могло заменить радостное начало того солнечного дня.

Пока через пять часов мое счастье не развеялось дымом.

За окном лило как из ведра. Стрелки часов и не думали замедлять свой ход, приблизившись к семи двадцати утра. Я обняла колени руками, задержала дыхание. На том конце провода повисло молчание.

Через мгновение Гвон Ын Хён заговорил. Тон его был чрезвычайно осторожен.

— Если ты рассказываешь о прошлогоднем втором марте, то я помню тот день... Было бы странно его забыть, учитывая то, как мы радовались, что опять попали в один класс. Кроме того, в тот день произошло еще и...

— Ага.

— Я... — он прервался, кажется, для того, чтобы выпить воды, а потом опять продолжил все так же аккуратно. — В тот день я... правда был счастлив, поэтому запомнил его. Погода была

просто потрясающая.

— Да.

— Мы подумывали о том, чтобы провести время вместе, отпраздновать наше распределение попали в один класс. Это была идея Джихо с Джуином. Однако ты захотела отдохнуть после бессонной ночи, сослалась на то, что у нас впереди еще весь год вместе, тем самым испортив нам весь план.

Погода заставляла меня чувствовать себя ужасно подавленной, но стоило Гвон Ын Хёну в красках расписать тот день — из горла моего вырвался короткий смешок. Его голос заставил меня опять пережить радостные мгновения того весеннего дня. Глуповатые лица моих друзей как-то сами собой всплыли в памяти, заставив меня опять хихикнуть.

Я усмехнулась, а после опять втянула голову в плечи. Потому что самое странное началось именно тогда, когда я пошла домой. Если бы я знала, какая чертовщина после начнется, то ни за что бы не отказалась от предложения провести вместе время.

Я сжала кулаки и проговорила:

— Да, мы все-таки решили разойтись по домам.

В ответ я услышала короткий смешок. Гвон Ын Хён мягко поправил меня:

— Мы ничего не решали. Ты захотела пойти отдохнуть, а потому Бан Ё Рюн тут же схватила тебя за руку и сказала: «Мы собираемся хорошенько выспаться, и Дан И даст мне уложить голову на ее руки». Ты тогда еще обреченно попросила кого-нибудь сбегать за «подушкой для рук». Так что выбора нам никто не предоставил.

Воспоминание об ошарашенном виде четырех мальчишек всплыло перед глазами, что заставило меня опять рассмеяться.

— Ох, если это было так... прости, — ответила я, слабо улыбнувшись. — Мы правда пошли домой вздремнуть. Не включая света, сразу завалились в гостиной. Мы даже не сменили школьную форму, а ты же помнишь, какая она неудобная, да? Мы проспали три часа! А потом я проснулась... — я остановилась, облизнув высохшие губы.

Ын Хён ничего не сказал, видно ожидая, когда я продолжу. Я слушала его ровное дыхание, а он — мое сдавленное. Затем я закрыла глаза, с трудом выдавив следующие слова, не переставая сильно дрожать:

— Бан Ё Рюн исчезла.

Он молчал.

— Было уже пять вечера, а потому я просто подумала, что она проснулась и ушла домой. Может, она хорошо выспалась за ночь, а потому ей не было нужды оставаться — такими были мои мысли в первую секунду. Однако когда я встала и огляделась в гостиной, то меня посетило странное чувство. Чуть позже я заглянула в зеркало и увидела, что цвет моей формы изменился... она стала темно-синей. Ну не смешно ли? Такая нормальная расцветка показалась мне странной...

Я прервалась, чтобы смахнуть упавшие на лоб волосы. Мои губы изогнулись в язвительной улыбке. На улице все еще накрапывал дождь. Комната была погружена в тишину и мрак.

Посмотрев за окно, я снова прикрыла глаза и забормотала себе под нос: «Чем я вообще занимаюсь? Будто кто-то вообще может поверить в такие паранормальные вещи как изменение мира, исчезновение подруги или смена расцветки у школьной формы...».

Будто кто-то может поверить, что его друг на самом деле не от мира сего...

«Зачем я вообще рассказываю этот бред Ын Хёну? Почему?» — я так сильно схватила волосы, будто хотела выдрать их с корнем и снять с головы скальп. «Как глупо, как абсурдно,» — бормотала я себе под нос, пока чужой голос не прервал мои мысли.

— Дан И, — аккуратно и мягко обратился ко мне Ын Хён.

Я промолчала.

— Ты еще здесь?

Я хотела ему ответить, но еле удерживала рвущиеся наружу рыдания. Из горла моего исторгся слабый стон. Ын Хён, выждав некоторое время, продолжил:

— Я буду здесь... поэтому не спеши.

Я молчала.

— Переведи дыхание... столько раз, сколько потребуется. Если тебе нужно будет прерваться... ты всегда можешь начать заново. Чувствуй себя свободно, рассказывая мне что-либо. Я не буду вешать трубку. Я подожду столько, сколько потребуется.

Я перестала драть искусанные губы. Глубоко вздохнула. Прикрыла веки. Ын Хён хранил молчание, но из-за звука его дыхания я понимала, что он слушал меня.

Его голос был пропитан такой теплотой и заботой, что я не смогла сдержать брызнувших из глаз слез. Однако в попытках вернуть себе самообладание, я задрала голову и уставилась на темный потолок. Затем вновь заговорила как можно более спокойным тоном:

— Ты же помнишь ту ночь? Когда я... была около дома Джуина.

— Конечно я помню... Опухшие и покрасневшие от слез глаза, отеки из-за неудобных домашних сланцев голые ноги — такой ты предстала перед Джуином, который нашел тебя у своего дома.

Слушая его голос, я медленно закрыла глаза. Это была абсолютная правда. В тот вечер Джуин нашел меня у своего дома с притянутыми к груди коленями — съежившуюся от холода и безысходности. Он сразу же оповестил остальных: и Ю Чхон Ёна, который жил рядом, и Ын Хёна, и Ын Джихо с Бан Ё Рюн — они все сразу же примчались ко мне, чтобы увести с улицы, где я скорчилась, словно бездомная.

Я тогда едва стояла на ногах и не могла идти из-за стертых в кровь ступней. Хуже всего то, что мир перед моими глазами плыл, и поэтому я до сих пор не могу вспомнить, кто поднял меня на руки.

— Я искала его дом, но не могла найти... поэтому мне не оставалось ничего, кроме как бродить вокруг, — объяснила я довольно четко.

— Ох, Боже, — ответил Ын Хён. — Как ты могла не найти его дома, хотя он был прямо перед тобой? И это не впервые... я давно не видел, чтобы Чхон Ён говорил бы с кем-нибудь таким тоном. Ты, скорее всего, не знаешь, но на моей памяти такого не случилось уже три года. А Джуин в ту ночь даже нарисовал тебе карту всего своего района.

— Я не потерялась, — только он закончил свои слова, как я прервала его. Медленно вздохнула и опять прикрыла глаза. Воспоминание о том дне заставило мое сердце биться чаще.

В окно все еще стучали дождевые капли, и я до сих пор разговаривала с Ын Хёном. Ничего не поменялось.

Молчание длилось недолго, потому как Ын Хён спросил:

— Что произошло потом?

Я открыла рот, чтобы ответить, но не смогла вымолвить ни слова. Я безмолвно подвигала губами и продолжила, опустив веки:

— ...Едва я проснулась и поняла, что моя форма изменилась, то решила проверить контакты. Ваши имена остались на месте: Бан Ё Рюн, У Джуин, Гвон Ын Хён... вы, ребята, не пропали из

моей телефонной книги. Поэтому я набрала Бан Ё Рюн... но ее номера не существовало.

Ын Хён молчал.

— Я обула первое, что попало на глаза, это оказались сланцы. Как сумасшедшая я застучала в соседнюю дверь. А что, если там никого нет? Однако когда я уже была готова сорваться, дверь отворилась. На пороге стояла незнакомая мне женщина. Ты же знаешь, Бан Ё Рюн на редкость милοвидна — красотой она пошла в свою мать. Женщину, что стояла на пороге, я видела впервые в жизни. Я огляделась и спросила, не живет ли здесь Ё Рюн Бан, она ответила, что у ее мужа фамилия Ха. Затем она захлопнула дверь, будто увидела какого-то безумца.

Здесь я остановилась и сжала кулаки. Ын Хён не сказал ни слова. Он не спросил: а не свихнулась ли я? Он не сказал ни-че-го.

Просто продолжил слушать мою историю.

Стоило ли мне продолжить говорить? Хотя я и задалась таким вопросом, однако прекрасно понимала, что не смогу дать на него ответ. Мне просто хотелось излить душу: поделиться тем, что я видела и что чувствовала. Мне хотелось поведать о своих переживаниях вслух. Вот почему я продолжила:

— Я звонила вам... три номера из четырех не обслуживались. Один человек ответил, но только я обрадовалась, как на меня посыпались оскорбления. Это был твой номер, но человек, который снял трубку, кажется, понятия не имел ни о твоём существовании, ни обо мне. Я... я... будто находилась в центре шторма... Затем вспомнила адреса ваших домов, так как не раз посещала их. Дом Ын Джихо ведь находится в десяти минутах ходьбы от моего... помнишь же эти роскошные хоромы, да? Я вся продрогла, потому что на мне был расстегнутый школьный пиджак, а на ногах — сланцы. Тем не менее, возвращаться домой не было никакого желания. Все, о чем я могла думать — лишь бы скорее во всем разобраться. Проверить, а существует ли дом Ын Джихо до сих пор?.. Мне нужно было убедиться в том, что окружающий мир не поменялся, стоило мне заснуть.

Гвон Ын Хён молчал.

— Там, где должен был жить Ын Джихо, я нашла лишь развалины. Он бы никогда не стал жить в подобном месте, а потому... Тогда я села на ближайший поезд. Хотела доехать до вас с Ю Чхон Ёном. Так что, когда через час я вышла из метро, на улице было уже темно. Район, в котором вы оба проживаете... Что ж, там не стояло домов. Только стройплощадка. Знаешь, эти строительные леса из стальных переплетений и деревянных опор, а еще натянутая зеленая сетка. Я стояла и смотрела на это...

Я сильно закусилa губу. По моей щеке скатилась слеза. Сморгнув влагу мокрыми ресницами, я задрала голову.

Дождь постепенно затихал. За окном медленно всходило солнце, освещая мою комнату.

Гвон Ын Хён все еще ничего не говорил. В трубке больше не дребезжали посудой. Только слышен был какой-то хаотичный стук, будто кто-то что-то быстро печатал на клавиатуре, но и он стал гораздо тише.

Затем, видно поняв, что сама я не продолжу, Гвон Ын Хён подтолкнул меня:

— ...А что насчет дома Джуина?

— Только он и остался таким же, как прежде. Это место ни капельки не изменилось, но я не стала звонить в дверь.

— Почему?

Я моргнула, сжала кулак и только потом ответила:

— А что, если бы там были совершенно другие жильцы и внешний вид оказался бы лишь обманкой?.. Если бы я позвонила, и меня встретил незнакомец... то я потеряла бы последнюю связь с вами, ребята.

Гвон Ын Хён промолчал.

— Я не хотела больше ничего проверять, поэтому решила просто ждать рядом с его домом. На улице было так холодно, что я уснула. А когда открыла глаза...

— Да, — послышался тихий ответ.

Я крепко зажмурилась. Слезы, собравшиеся у подбородка, скатились вниз, упав прямо на серую футболку.

— Джуин спросил меня, что я здесь делаю... и я... я подумала, что это очередной сон...

Гвон Ын Хён молчал.

— Ын Джихо отчитал меня: зачем мне телефон, если я им не пользуюсь? Я могла бы позвать Джуина, но повела себя так жалко, усевшись на улице около его дома... Ты ведь помнишь, он так напугал меня... когда грозно сказал, что оплата моей телефонной связи — пустая трата денег.

— Да, — вновь услышала я.

Голос Гвон Ын Хёна будто стал ниже. Я беззвучно шевелила губами, пытаюсь продолжить рассказывать, но не смогла — только с усилием зажмурилась, чтобы прогнать слезы с глаз.

Когда я распахнула рот, у меня создалось ощущение, что голос берет начало из самого сердца. Мне было трудно говорить; дрожали губы. Я продолжила:

— Как... как я могла до вас дозвониться? Ваших номеров не существовало. Они не обслуживались, так как? Была ли я насколько глупой? Чтобы усесться рядом с домом Джуина, когда у меня с собой был телефон...

Гвон Ын Хён молчал.

— По правде... в этом не было никакого смысла.

Ын Хён не сказал ничего.

***

Гвон Ын Хён мог сказать что угодно...

Капли моросившего дождя отбрасывали тени на кремовые занавески. Именно из-за непогоды Гвон Ын Хён прибывал в скверном расположении духа, и именно по этой причине Ю Чхон Ён был в такую рань у него дома.

Квартира Ю Чхон Ёна располагалась в трех минутах ходьбы от дома Гвон Ын Хёна, а потому первый частенько посещал его в дождливые дни, потому как был осведомлен о случившемся в тот день. У них не было особого ритуала для таких дней. Общества друг друга вполне хватало.

Гвон Ын Хён молчал, покручивая в руках телефон, и смотрел на Ю Чхон Ёна бездумным взглядом. Тот лениво откинулся на спинку компьютерного кресла, а руки его, лежавшие на клавиатуре, были совершенно неподвижны. Как долго он так сидел? — об этом подумал Гвон Ын Хён, рассматривая его пальцы.

Все персонажи мельтешили на экране монитора, однако герой Ю Чхон Ёна не двигался, так и застыл в середине. Из-за того, что пользователь не собирался продолжать игру, он остановился посреди поля боя, и только грудь его вздымалась от вдохов и выдохов.

Ю Чхон Ён был исключительно бледен из-за сияния монитора, освещающего его лицо.

Гвон Ын Хён навскидку предположил: он заметил, что стоило ему начать говорить по телефону с Хам Дан И, движения Ю Чхон Ёна, печатающего на клавиатуре, замедлились, однако, как только Дан И начала рассказывать свою историю, его пальцы вовсе перестали двигаться.

Еще держа телефон у уха, Гвон Ын Хён заметил странность: для Ю Чхон Ёна было необычно не закончить еще ни одной одиночной катки, учитывая его игровой скилл. Тому было единственное возможное объяснение — парень прислушивался к разговору Гвон Ын Хёна с Хам Дан И. Сейчас его глаза, не скрываясь, были обращены к Ын Хёну.

Он застыл на стуле, походивший на каменную статую, не отрывая взгляда своих редчайших голубых глаз от Гвон Ын Хёна, будто видя его насквозь. Подняв на Ю Чхон Ёна глаза в ответ, Гвон Ын Хён выдохнул. В его ушах все еще стояли гудки. Дан И повесила трубку.

Гвон Ын Хён погрузился в размышления. Эта девушка бередила прошлое, вспомнив инцидент годовалой давности. Если быть точным, то ровно триста шестьдесят пять дней Хам Дан И в одиночку противостояла своим страхам, пряча их глубоко в душе.

Конечно, ей стало бы гораздо легче, если бы она сказала о них вслух, но сейчас становилось понятно, почему она оторинула эту идею.

Как она могла? Эта история — нелепица для любого, кто бы ее ни услышал.

Да что другие люди, Гвон Ын Хён сам в тот же момент повесил бы трубку и наградил звонившую званием лжеца, если бы ей оказалась нё Дан И. Он ведь думал о ней в тот день...

Да, она тогда показалась ему странной. В особенности тот факт, что ее телефон не был разряжен, но девушка все равно осталась сидеть около дома Джуина, словно бездомная.

В те дни Гвон Ын Хён полагал, что у ее поведения были другие веские причины. А когда они все расположились в гостиной Джуина, Ын Хён вообще перестал об этом задумываться, потому что «все стало как прежде». Дан И сидела на красном диване, грея обе руки о дымящуюся чашку. Ын Хён тогда смотрел на ее полную облегчения улыбку и сам не заметил, как не внял невероятно важным мелким деталям, которые служили основаниями ее действиям. В этом и крылась загвоздка.

На свою сюрреалистичную трудную и для рассказчика, и для слушателя историю Хам Дан И, вероятно, ожидала получить в ответ что-то вроде: «Перестань лгать» или «Ты просто утомилась». Вполне возможно, она правда хотела услышать его искреннюю реакцию: один из этих двух возможных вариантов. В тоже время, она ее так и не дождалась, просто повесив трубку.

До этого Гвон Ын Хён слышал слабый, прерывистый из-за рыданий голос. По-видимому, причина ее поспешного отключения заключалась в том, что она не хотела, чтобы кто-либо слышал ее плач.

На комнату Ын Хёна опустилась давящая тишина. Дождь затихал, расступались тучи, предоставляя солнцу возможность бросать на кремовые занавески яркие утренние лучи. Гвон Ын Хён встал с кровати, подойдя к окну.

Стоило ему раздвинуть занавески, как на глаза попались длинные серые облака, затянувшие небо. Лучи солнца, подобные колоннам, пробивались сквозь серость туч и падали на близлежащий парк.

Пока Гвон Ын Хён смотрел на эту картину тусклым взглядом, Чхон Ён Ю хранил молчание. Его персонаж, заточенный в рамках монитора, был повержен. Под пробившимся сквозь окно ярким солнечным светом, волосы Ю Чхон Ёна стали отливать синевой.

Не отходя от оконной рамы, Гвон Ын Хён перевел взгляд на Ю Чхон Ёна, заговорив:

— Ты все слышал? — его голос прозвенел в тишине подобно кинутым в стакан кубикам льда.

Ю Чхон Ён, до того вперивший взгляд в пол, поднял голову. Его черные локоны мягко качнулись.

— Потому что вы очень громко говорили, — ответил он.

— Если бы ты был сфокусирован на игре, то ничего бы не услышал.

Ю Чхон Ён пребывал в глубоких раздумьях, но спустя мгновение тяжело вздохнул и кивнул.

Гвон Ын Хён отошел от окна и вернулся к кровати. Опустил взгляд на телефон, который, неаккуратно брошенный, валялся на постели.

Экран оставался черным. Сообщений о входящих вызовах или эсэмэсках не поступало.

— И что на это скажешь? — резко спросил Гвон Ын Хён.

— Что ты имеешь в виду?

— Я про то, о чем говорил с Дан И. Ее история звучит как бред, если мы только вдумаемся в нее. Как ты на это смотришь? Правда ли это? Просто, разве это не может быть лишь очень реалистичным дурным сном?

Задав эти вопросы, Гвон Ын Хён встретился взглядом с Чхон Ёном — тот уже выключил компьютер и повернулся к нему лицом.

Между ними повисло гнетущее молчание. Несколькими секундами позже Ю Чхон Ён подал голос:

— Возможно, она скрывает от нас что-то еще.

— ...Почему ты пришел к такой мысли?

— Если бы это был единичный случай, то второе марта две тысячи девятого года должно было бы застать ее врасплох. Однако годом ранее, в две тысячи восьмом, где-то в районе этого дня, она писала мне о проблемах со сном.

— Может, она ненавидит начало учебного года или что-то вроде того.

— Если так подумать... проблема кроется не в том, что она не может заснуть, а в том, что не хочет, — лицо Ю Чхон Ёна было невероятно серьезным. Он, казалось, поверил в историю Дан И, но не был уверен в том, что она раскрыла все детали.

Гвон Ын Хён попытался вспомнить две тысячи восьмой год близь начала учебного года. Дан И тогда отрастила свои каштановые волосы до груди, эта длина очень шла ей.

То, на что обратил внимание Ю Чхон Ён, соответствовало действительности. Конечно — Хам Дан И становилась донельзя уязвимой, стоило дате «второе марта» приблизиться. Однажды, припомнил Гвон Ын Хён, она даже тыкала себе в руку металлическим стержнем от ручки, лишь бы не провалиться в сон. Однако, парень не заметил, чтобы она работала над каким-то важным проектом в то время.

В тот момент было трудно понять безысходность, сквозившую в ее взгляде, но сейчас, с замечанием Ю Чхон Ёна, все обретало смысл.

Возможно, в прошлом с Хам Дан И что-то случилось, что вызвало боязнь засыпать в этот день. Иначе говоря, ее бессонница брала начало еще задолго до две тысячи восьмого года.

Пока Гвон Ын Хён молчал, пребывая в раздумьях, Ю Чхон Ён неожиданно вытащил телефон и большим пальцем нажал на какую-то кнопку. Гвон Ын Хён обратил к нему глаза и удивленно спросил:

— Что ты делаешь?

Голубые глаза Ю Чхон Ёна были сосредоточено вперены в экран телефона. Затем он, захлопнув чехол, посмотрел на Гвон Ын Хёна.

— ...Во второе марта две тысячи девятого года, когда Бан Ё Рюн и Хам Дан И ушли, что мы потом делали?

— Если ты вспомнил тот момент...

Гвон Ын Хён погрузился в воспоминания. Четверо мальчишек рассеянно смотрели на двух

пропадающих из поля зрения девчонок и пытались придумать план, как же все-таки отметить такой знаменательный день. Идея похода в интернет-кафе была отклонена сразу, так как оно не являлось особенным местом. Так же они отказались от кино и зала с аркадными автоматами.

В конце концов, все побрели по домам, решив собраться в выходные, поскольку на второе марта две тысячи девятого года выпал понедельник. План не звучал таким уж плохим. Гвон Ын Хён и Ю Чхон Ён пошли домой вместе. Потом они...

— Мы переписывались насчет нашей встречи в выходные.

— Да... Бан Ё Рюн присоединилась к обсуждению в районе четырех часов.

— Верно, — емкий ответ Гвон Ын Хёна заставил брови Ю Чхон Ёна сойтись к переносице. Казалось, их общее обсуждение помогло последнему кусочку пазла встать на место.

Гвон Ын Хён задумался о том, что в тот день Бан Ё Рюн вернулась домой и присоединилась к ним через часа два, то есть около четырех часов вечера. Тогда разве они не спросили бы о том, проснулась ли Хам Дан И?

Нет, если подумать... кровь отлила от лица Гвон Ын Хёна. Он кинул взгляд на телефон — его экран все еще был темен. В отражении было видно, как слегка дрожала его фигура, был заметен лихорадочный блеск глаз.

Они изначально планировали собраться вшестером. В два часа дня он отправил сообщение Бан Ё Рюн. Гвон Ын Хён намеревался отправить эсмэску и Дан И, однако так и не сделал этого. Он не хотел ее будить пришедшем сообщением и остановился на мысли, что как она проснется — обязательно отпишет сама. С этими мыслями он отправил сообщение лишь Бан Ё Рюн.

С двух дня до десяти вечера, когда Джуин нашел Хам Дан И около своего дома, Гвон Ын Хён не писал и не звонил ей. Как если бы... как если бы он просто забыл о ее существовании.

Ю Чхон Ён прервал молчание, озвучивая те мысли, которые занимали голову Гвон Ын Хёна в данный момент.

— Мы решили собраться все вместе, но как можно было забыть ей?

— ... Не ты один, — Гвон Ын Хён с трудом распахнул губы для ответа, после чего они опять сжались в тонкую линию.

Солнечные лучи прогревали воздух в комнате, однако тишина, воцарившаяся между двумя парнями, охлаждала его будто морозящая бомба. Когда хлад проник в каждый уголок комнаты — оба почувствовали, что чья-то невидимая рука пересчитала каждый их позвонок.

Смотря на черную тень, затаившуюся под компьютерным столом, Гвон Ын Хён вернулся мыслями в историю Хам Дан И.

Если он правильно запомнил, то в тот момент ее соседями оказалась семья, которую Дан И видела впервые в жизни. Все телефонные номера либо не существовали, либо принадлежали незнакомцам. На местах, в которых жили они либо были развалины, либо велась стройка. Гвон Ын Хён с трудом мог вообразить, каково это — пройти через подобное в реальной жизни.

С другой стороны, и Ю Чхон Ён, и Гвон Ын Хён испытали то же самое в тот же день, однако гораздо менее болезненно. Они просто позабыли о существовании Хам Дан И, в то время как она боролась со всем этим в одиночку. Они ведь даже и помыслить не могли...

В солнечных лучах лицо Чхон Ёна было бледным, будто отлитым из фарфора, контрастируя, лишь губы налились краснотой. Нельзя было не заметить, как они подрагивали.

Когда их глаза встретились, парень резко выпалил:

— Это пугает меня.

Гвон Ын Хён впервые слышал, чтобы Ю Чхон Ён вслух признался о своем страхе, особенно с таким серьезным выражением лица. Он даже фильмы ужасов смотрел, не моргнув и глазом.

Отливающие синевой черные ресницы Ю Чхон Ёна опустились, тихонько подрагивая, когда он добавил, пробормотав:

— Наравне с тем фактом, что она вдруг пропала, а мы и не заметили этого ... Еще больше всего меня страшит, что она могла навсегда стереться из нашей памяти...

Гвон Ын Хён молчал.

— Если наши номера у нее сохранились, но не принадлежали никому из нас, то и ее телефон мог остаться у нас. Однажды мы могли бы наткнуться на «Хам Дан И», но где гарантия, что мы бы сразу же вспомнили ее? Мы бы попробовали набрать номер, но, обнаружив, что его не существует, попросту не удалили бы его? Значит ли это, что последняя ниточка, связывающая нас с Дан И, могла бы так просто оборваться?

— Боже, — ничего не выражающая улыбка напозла на лицо Гвон Ын Хёна.

Все было бы именно так. Что случилось бы, не найди Джуин Хам Дан И около своего дома? Насколько бы долго они не вспоминали о ней?

Забвение могло тянуться восемь часов, длиться день или продолжаться на протяжении

нескольких лет.

На какое-то время оба лишились дара речи. Такие сюрреалистичные вещи не укладывались в их картину мира — Ю Чхон Ён застыл безмолвной и бледной статуей на стуле.

Гвон Ын Хён поднялся, заметив, что за окном перестал лить дождь.

— Пойдем навестим Дан И, — сказал он.

Ю Чхон Ён неуверенно глянул на Ын Хёна.

— Она положила трубку, не дав мне ответить. Возможно, она сейчас совсем одна плачет в своей комнате.

Слова Гвон Ын Хёна заставили Ю Чхон Ёна подняться с места. В прихожей он натянул пальто, в котором пришел вчера.

Он завалился в дом Гвон Ын Хёна около одиннадцати вечера и с того момента не смыкал глаз, играя в видеоигры. В обычные дни Ю Чхон Ён никогда не просыпался в такую рань.

Взъерошенные, они вышли за порог. На часах было девять утра

Как долго я лежала, уткнувшись лицом в подушку?

Внезапно завибрировал телефон, что заставило меня вернуться в реальность.

Проглядывающее сквозь облака небо уже наполнилось голубизной — на замену серой палитре пришла яркость. От «Ын Хён», имени, что высветилось на экране телефона, у меня перехватило дыхание.

Если я сейчас возьму трубку, что он мне скажет? В голове я прикинула вариант того, что он сошлется на «дурной сон», и у меня не останется другого выхода, кроме как кивнуть. В конце концов, я не хотела прослыть в его глазах сумасшедшей.

— Фух, — я тяжело вдохнула и разблокировала телефон. Несколько мгновениями позже прислонила его к уху и с удивлением обнаружила, что голос звонившего принадлежит не Гвон Ын Хёну — с того конца провода со мной говорил Ю Чхон Ён. Я чуть не выронила трубку из рук.

Пока я пребывала в полневшей панике, он сказал:

— Мы на улице около твоего дома. Выходи, — голос его звучал буднично, будто между нами не было размолвки.

О чем, черт возьми, он говорил? Когда я отняла телефон от уха, недоверчиво на него глянув, Ю Чхон Ён повторился. Тон его был все также безмятежен.

— Мы стоим около твоего дома, поэтому выходи. Ён Хён тоже здесь.

— ... Чегось?

— Сегодня воскресенье, а потому твои родители, вероятно, дома. Мы не хотели бы стеснять их, поэтому пойдем куда-нибудь в другое место.

Я снова опустила глаза на телефон.

Происходящее приняло неожиданный поворот: я ожидала услышать Ён Хёна, но вместо этого сейчас болтала с Ю Чхон Ёном, который, вообще-то, не разговаривал со мной уже как три дня... Более того, он просил меня выйти, так как эти двое сейчас стояли на улице около моего дома...

Губы не слушались, мешая говорить, однако у меня получилось набраться смелости и выдать:

— Куда вы, ребята, собрались?

Между нами на секунду повисло молчание. Затем он ответил: голос его был искренен и тепл — с такой интонацией он ко мне обращался до нашей ссоры.

— Туда, куда захочешь.

Я молчала.

— Куда угодно.

Я была готова расплакаться.

Поистине — действия этого парня никто не мог предугадать. Особенно когда он говорил таким теплым заботливым тоном, который обезоруживал меня. Я понятия не имела, как реагировать на его стихийные капризы. Такое поведение, несомненно, ранило меня, но от его смеха сердце все равно таяло словно шоколад.

Мои губы сжались в тонкую полоску, чтобы наружу не вырвалось ни одного звука, а руки потянулись массировать веки. Затем я поднялась с постели и произнесла:

— Я... я не принимала ванну. У меня грязная голова, поэтому подождете в моей комнате. Мне понадобится не меньше двадцати минут, поэтому я пойду открою вам дверь.

— Не стоит, нам все равно.

— На улице холодно. Погодите секунду.

Я повесила трубку и выглянула из комнаты. В гостиной смотрела телевизор мама, а отец в майке, почесывая живот, лежал на полу и читал газету.

Звуки телевизора были слишком громкими, чтобы меня могли так просто услышать.

— Мам! — закричала я, выйдя из комнаты.

— Чего тебе?!

— Чхон Ён и Ын Хён сейчас около дома на холоде. Я могу пригласить их внутрь?

Мама все-таки сумела оторвать взгляд от миловидной актрисы, которая обливалась слезами на экране, и посмотреть на меня. Она кивнула и невозмутимо произнесла:

— Конечно. Разве Чхон Ён и Ын Хён незнакомцы? Они мне как сыновья! Пусть чувствуют себя как дома.

— Эм... ладно, — когда я только кивнула в ответ, отец поднял глаза с газеты, поправив свои очки в золотой оправе.

— Хэй, не стоит морозиться на улице в такую промозглую погоду. Будет сумасшествием выходить на улицу, вчерашний ливень только утихомирился. Снаружи все в лужах, поэтому оставайтесь здесь. Почему бы нет? Вы всегда так делаете.

— Они не хотели вас стеснять, так что...

— Да ну тебя. Я знаком и с Чхон Ёном, и с Ын Хёном — они показались мне вполне скромными и тихими юношами. Это ты, дочь наша, Кинг-Конг[1]; самая взбалмошная.

Слова отца заставили мою маму зайти в приступе смеха, да таком сильном, что она завалилась на диван. Божечки! Я несколько раз гневно топнула ногой и пошла открывать

дверь.

По дороге заглянула в зеркало, проверяя свой внешний вид: мое лицо выглядело неплохо, не считая опухших глаз. Немного поразмыслив перед зеркалом, я открыла дверь.

Первым, кто бросился мне на глаза, оказался Ю Чхон Ён в своем черном, достигающем до колен, пальто; позади него стоял улыбающийся Ын Хён в серой куртке. Когда они зашли в прихожую, то сразу же вежливо кивнули моим родителям — отец и мать ничего не ответили им, лишь улыбнулись. Наблюдая за это сценой, я вдруг задумалась: а не походила ли я на самом деле на Кинг-Конга — и с этими мыслями поплелась в ванную.

Пока я умывалась, то слышала разговор родителей: они говорили до того громко, что перебивали шум текущей из крана воды и диалоги в телевизоре. Ох, божечки, пап!

— Дорогая, может, наша дочь потратила всю свою удачу, проиграв по показателям красоты и ума, для того, чтобы получить таких хороших друзей? Следует ли нам называть это «оллин»[2]? В конце концов, как она могла привести домой таких красивых мальчиков в качестве своих друзей?

— Да ладно тебе, с Дан И все нормально. Просто она уже успела добиться успеха в жизни. Эй, Чхон Ён, при последнем просмотре телевизора тетюшка заметила тебя в «Еженедельном развлечении»[3]! Очень хорошая съемка!

— Благодарю.

— Ты в тысячу раз привлекательнее моей дочери, — эта фраза, произнесенная отцом, заставила меня провить, зажав зубную щетку. Голос мой, отталкиваясь от стен ванной комнаты, проник и в гостиную:

— Пап!!! Ты можешь перестать?!

— Что случилось, тыковка моя? Я не сказал ничего превратного, — донесся в ответ его полный вековой мудрости равнодушный голос.

— Пап!!! Кхе-кхе!

Когда я ответила ему криком несогласия, мыло попало мне прямо в рот, заставив зайти в приступе кашля. Ну и гадость, сколь же противно это было на вкус!

Пока я опять открывала кран, чтобы прополоскать рот, родители продолжили нелестно обо мне отзываться, будто я вовсе не была частью их дочерью.

К счастью, Ын Хён не забывал вставить тот или иной защищающий меня комментарий веселым голосом.

— Дан И прекрасный человек. Она очень мила.

— Господи, Дан И, если и будешь выходить за какого-то замуж — то только за джентльмена вроде этого парня.

Когда я перестала прислушиваться в их разговору и отвечать на провокации, то сумела быстро вытереть голову и расчесаться. Затем я осмотрела себя в зеркале: искала какие-то бросающиеся в глаза изъяны, но, через мгновение, просто вышла из ванны, послав эти мысли на три буквы.

Почему эти ребята не уведомили меня о своем приходе? Я была бы уже полностью собрана, если бы они предупредили меня. Несмотря на нашу дружбу, встречать их в таком виде для меня, как для девушки, было очень смущающе.

Я ворвалась в гостиную, бросив сердитый взгляд на отца. Однако с лица его не сошло довольство — он продолжил сидеть на полу, скрестив ноги, и поедать клубнику.

Двое парней, сидевших до этого спиной в ванной комнате, обратили на меня удивленные взгляды. Возможно потому, что мой внешний вид оставлял желать лучшего: лицо выглядело неприглядно, на нем еще остались красные полосы от расчески, а волосы были влажными.

Опять же — да пошло оно. Я откинула назад локоны и сказала:

— Ох, пап. Ты точно мой отец? Держу пари, ты подобрал меня с улицы, не так ли?

Ничего из сказанного мною не смутило его; он положил еще одну ягодку клубники в рот и ответил:

— И эта девочка до семи лет верила в то, что ее нам принес аист в большом мешке.

— Пап!!!

— Не стой столбом, лучше волосы высуши, — невозмутимое замечание отца заставило меня перестать сверлить его взглядом и глубоко вздохнуть.

Затем я резко обратилась к Ын Хёну, а не к отцу, на лице которого была яркая улыбка:

— В следующей жизни я бы хотела стать дочерью Ын Хёна. Он всегда был на моей стороне, а

как насчет вас, дорогие родители?

— Разве нашей любви недостаточно?

— Ох, боже мой.

Мое терпение было на исходе! Это стало последней каплей! — я не могла ответить так, ведь парни все еще сидели в гостиной. Все, что оставалось в моих силах — бестолковое топание ногами.

Именно в этот момент я поняла, что мое лицо практически горело от чьих-то жалящих взглядов.

Когда я задрала голову, то наткнулась на Ю Чхон Ёна, который смотрел на меня своими синеголубыми глазами. Он открыл рот, чтобы что-то сказать — так сделал и Ын Хён. С их губ сорвалось синхронное:

— Нет, — прозвучало одновременно; парни уставились друг на друга. Когда Ын Хён лишь пожал плечами, Ю Чхон Ён обратил свой взгляд на меня.

— Если ты переродишься как дочь Ын Хёна, то жизнь твоя будет коротка. Ты правда хочешь умереть молодой? — сказал он с серьезным лицом.

Я тупо застыла на месте, только качала болванчиком головой из стороны в сторону. Это было правдой. Если подумать, что Ын Хён женится на ком-то через десять-двадцать лет. Чтобы переродиться в качестве его ребенка, я должна скорострительно покинуть этот мир. Дабы стать его дочерью мне можно прожить в сегодняшнем теле максимум лет десять. Конечно, я не хотела для себя подобной участи. Точно нет.

Несмотря на понимание, что это была всего лишь безобидная шутка... я не могла не сглотнуть.

Серьезного взгляда Ю Чхон Ёна было достаточно, чтобы пригвоздить меня и моих родителей к месту. При всем этом он выглядел вполне удовлетворенным моей реакцией — уголки его губ приподнялись в ухмылке. Потом он посмотрел на Ын Хёна, который, кажется, был донельзя поражен его словами, и последний поднял на меня глаза. Мгновение назад Ын Хён был сбит с толку, а после на лицо его наплыла теплая улыбка.

— Ага, я согласен с Чхон Ёном.

— Ого, моя дочурка и впрямь счастливица при таких-то друзьях. И почему же ты застыла,

вместо того, чтобы уже сушить волосы, а? — вот, что сказал мой отец с беспристрастным выражением лица и что заставило меня покачать головой. Я накинула на макушку полотенце и отвернулась.

— Божечки, что за жизнь! — пробурчала я, понизив голос.

Но сколько бы я не ворчала, разговоры в гостиной не умолкали.

Родители были взволнованы приходом Чхон Ёна с Ын Хёном, так как давно с ними не пересекались. Как только мама нашла новую тему для диалога, я перестала сушить голову и повернула голову по направлению к ней.

— О, Чхон Ён с Ын Хёном же поступают в одну старшую школу с моей дочкой — в Со Хен! Тогда у вас, ребята, завтра будет церемония открытия, не так ли?

— Да.

— Тогда, может, хотите отведать барбекю на ужин? Я бы хотела отблагодарить вас, за то, что вы ладите с моей дочерью уже на протяжении трех лет и выразить надежду на то, что вы и дальше будете друзьями. Так что тетушка желает...

— Дорогая, ты слишком увлеклась. Мальчики, скорее всего, предпочли бы ужин в кругу семьи и провести свободное время наедине с собой, чтобы подготовиться к завтрашней церемонии открытия. Не пытайся потратить их драгоценное время перед таким важным событием.

— Ох, да, в твоих словах есть смысл.

«Так держать, пап» — я с облегчением вздохнула и опять включила фен, поднеся его ближе к еще влажным волосам.

Только я уже думала успокоиться, подставка пришла, откуда не ждали.

— Все в порядке, сер. Мой отец сегодня занят, поэтому я могу остаться на ужин, — раздался голос Ю Чхон Ёна.

У меня отвисла челюсть

— Да, у меня такая же ситуация, но не воспринимайте это как предлог остаться у Вас, сэр, хорошо? — Ю Чхон Ёна поддержал и Гвон Ын Хён, но что... что заставило эти слова сорваться с их губ? Я имею ввиду: с губ Ын Хёна и Чхон Ёна, которые обычно с большой неохотой заходили в дом во время приема пищи, потому что считали это дурным тоном.

Несмотря на то, что данный ответ застиг меня врасплох, мама не стала возражать — наоборот — тут же весело защебетала:

— О, правда? Тогда давайте пригласим и Ё Рюн с Джихо и Джуином на званый ужин!

«Мам, откуда ты возьмешь столько мяса?» — перед тем, как я успела вмешаться, Ын Хён уже подхватил телефон и стал звонить другим из нашей компании. Его ответ заставил меня растеряться.

Ладно, от Ю Чхон Ёна можно было ожидать чего-то подобного, но что случилось с Ын Хёном? Однако, как бы я не задумывалась об этом, «вечеринку-барбекю», что огорошила меня подобно грому среди ясного неба, было уже не остановить.

-----
[1] Кинг-Конг — гигантский обезьяноподобный монстр, популярный персонаж массовой культуры. Придуман американским сценаристом и режиссёром Мерианом Купером.

[2] Олл-ин (All-in) — особая ситуация в покере, в ходе которой покерист ставит все имеющиеся в распоряжении фишки на кон. Так же это имеет значения: в совокупности, включающий всех и все.

[3] Еженедельное развлечение — еженедельная программа канала KBS, где популярные звезды корейской волны рассказывают о планах на будущее, своем идеале, комплексах и т.д.

<http://tl.rulate.ru/book/34429/2307613>